

НАШ СОВРЕМЕННИК КОЛЯДА

Николай Коляда давно уже самый модный и самый играемый драматург России. Живет в Екатеринбурге, где недавно проходил фестиваль его драматургии. И был праздник...

Об этом — на 8-й странице.

Фото В. Долганка.

Культура. — 1995. — 4 февр. — с. 1

НАШ СОВРЕМЕННОК КОЛЯДА

Культура. — 1995. — 4 февр. — С. 8.

Полонез для грешников

Николай Коляда давно уже самый модный и самый играемый драматург России. Живет в Екатеринбурге, где недавно проходил международный фестиваль его драматургии под названием «Коляда plays».

Был праздник! Во-первых, уникальность самого события: кто помнит, чтобы у нас так вот запросто устраивали фестивали еще живых и здравствующих драматургов? А Коляде как раз стукнуло тридцать семь, и написал он ровно тридцать семь пьес. (Впрочем, в своей жизни он успел побывать и актером, играя в Свердловском театре драмы Лариосика, Балашова, Поприщина, и прочее.) «Художественный мир Н. Коляды и его сценическое воплощение».

По столпотворению спектаклей, привезенных на фестиваль нашими и иностранцами, было ясно: Коляду сегодня играют вся страна и ее окрестности. Да ведь так и есть.

Современную пьесу на нашей сцене увидишь нечасто. Театры сегодня предпочитают в основном классику, русскую да зарубежную. Когда же все-таки встает вопрос, что поставить из современников, чаще всего выбирают именно его, Коляду. Вероятно, ввиду отсутствия более достойных конкурентов. Так ли это, судите сами хотя бы по Москве: в ее театрах идет как минимум с десятком его пьес.

В СВОЕМ ГОРОДЕ

Город относится к нему с нежностью, и когда эта неж-

ность выплеснулась на фестивале, стало всем понятно, что Коля Коляда здесь — любимец, герой, объект ласки. Специально к приезду гостей в Екатеринбурге был издан прекрасный сборник его драматургии под названием «Пьесы для любимого театра». Город был наполнен фестивальной эмблематикой, воплотившейся не только в сувенирах и подарках, но и в кондитерских изделиях (в том числе гигантский торт «Коляда plays» был выставлен для народа в апофеозе праздника). Я уж не говорю о викторинах, посвященных жизни и творчеству драматурга, стихах и куплетах в его честь, а также о серьезнейшей научной дискуссии «Художественный мир Н. Коляды и его сценическое воплощение».

Весь филологический корпус Екатеринбургского университета явил себя во всеоружии ученой мысли о драматурге-земляке плюс элита местной критики и журналистики. Звучали доклады, впечатляющие глубиной представленного анализа. Признав его драматургию сложившимся «миром» и серьезной «ветвью» культуры, отразившей наше общее с вами время.

ТЕКСТЫ

А ведь все очень просто: если режиссеры ставят, актеры играют, а зрители ходят — значит... Да, Коляда один из немногих сегодняшних драматургов, находящихся в реальном спросе. Почему? Потому что в его пьесах имеется не только

чувство сцены, но и чувство жизни. В них всегда есть жизнь, есть что играть и есть чем заполнить душу.

В чем ручеек его постоянно-го вдохновения? В интересе к отдельному человеку (что как раз в духе наших отечественных традиций). Вся его драматургия — это целая хрестоматия современного национального характера. Его пьесы — бесконечные вариации такого характера.

Особая заслуга Коляды: он показал нам людей, о которых раньше драматурги предпочитали не говорить. Мир его беспробудных грешников — это мир дна, эстетика «трусобного эпатажа», ставшая нормой существования. Обитатели этой среды жмут в ней естественно, постоянно и не знают никакой другой. Существуя, однако же, все время между матом и романтическим пафосом. Совмещая в своем ежедневном бытии низменную реальность и жажду идеального, то и дело пытаюсь к этому идеальному прорваться. «Попытка идеального» — так можно было бы назвать не одну пьесу Коляды.

Все его собрание сочинений — это скопище одиноких душ. Столпотворение лиц, живущих в «безлюбье», без любви. Но — жадно ищущих ее, стремящихся выйти к ней, прорвав круг своего одиночества. И в этом смысле его герои настолько похожи, что можно их легко передвигать из одной пьесы в другую.

Коляда трагичен в самой своей сути. Современная жизнь

его пьес мрачна и жестока. Сегодняшнему человеку в ней чаще всего не на что опереться. Человек этот оказывается один на один с ее безнадежной физиономией, загнанный в угол со всех сторон... И пытаюсь все же как-то прожить свою безвыходную ситуацию. И всюду — полная невозможность нынешнего индивидуума «овладеть миром», различные силы которого то и дело сбивают его с ног.

ЯЗЫК

И если природа таланта Коляды в остром чувстве жизни, то выражается эта жизнь у него прежде всего в языке. Почва всех его пьес — словесная фактура, запечатлевшая для истории сегодняшний тип «русской беседы». Право, в его текстах замечательные образцы языковой стихии современности — вопреки отдельным попыткам, еще не виртуозно усвоенной драматической сценой. Нынешняя обыденно-разговорная речь в ее наиболее творческих решениях властвует тут. Этокое пространство отечественного похабства, где обращение «ну ты, скотобаза!» выглядит нежным ласканием.

Сия языковая реальность, отразившая наше корявое бытие, у Коляды всегда главная реальность действия. В котором часто следишь не столько за развитием самого диалога, сколько за инструментальной, виртуозной разработкой и полетом этой темной языковой стихии. Здесь такие речевые повороты,

подходы и решения, такие аллитерации и виражи, такая подвижность и точность словосложения и такой артистизм красок, который требует, знаете ли, отдельного постановочного мастерства.

Пьесы Коляды не просто нашпигованы подростковой нецензурщиной, нет. Тут иное: явлено самое что ни на есть живое, жизненное творчество нынешнего слова. И все напряжение его пьес — именно в разговоре, этом чисто русском типе движения действия и чисто русским занятии, столь дорогим нашему сердцу.

Итак, если пьесы Коляды — это игралище самой жизни, то мы неизбежно увидим в них зеркало нашей действительности.

ВОПЛОЩЕНИЕ

Кто же играл для нас Коляду на фестивале? Немецкие театры из Касселя, Констанца и Эсселя, сам Екатеринбург и остальные наши, в том числе Челябинск, Тюмень, Нижний Тагил, Серов, Лысьва, Москва (представленная Маяжковой, Моссоветом, «Современником», ну и, конечно же, самим Виктоком).

Фестивальные спектакли представили нам мир его драматургии в самых разных сценических версиях, от абстрактного реализма до маньеризма и викторианского «кэмп», отразив таким образом бесчисленность ликов нынешней сцены. И продолжив тему ученой дискуссии о том, каковы же

языковые пути режиссуры его пьес. Что такое «соответствие его пьесе» на сцене? «Переживание» или «представление», «бытовое» или «внебытовое»? Какими ключами всем нам нашего Коляду открывать?

Живые спектакли ответили на эти вопросы лично — явив нашему суду и бытовое, и внебытовое, и кое-что сверх того. Красочно разыгрывали экзотические тексты Коляды немцы, показывая нам в «Рогатке» и в «Полонезе Огинского» собственное понимание русского характера и русских проблем. Нижнетагильские и ирбитские актеры в комнатном варианте предлагали монопредставления, погружая нас в простенький, ветхозаветный «актерский театр». Театр из Серова искал оптимальной зрелищной формы, рассадив зрителей на движущемся кругу сцены и придав своему «Канотье» эlegantную пространственно-временную протяженность. Лысьвинский театр в «Мурлин Мурло» удивлял пронзительными актерскими откровениями в духе наивного реализма, вселяя в нас спокойствие насчет неистощимого актерского мастерства российской провинции.

Главным же предметом фестивальных разговоров и общим сюрпризом стала постановка самим автором своего «Полонеза Огинского» на сцене Екатеринбургской драмы.

Этот спектакль для тех, кто его видел, станет, наверное, некоей легендой и эмблемой «истинного Коляды». Только тут

многим стало по-настоящему ясно, чем этот драматург наполняет свои диалоги и разговоры, когда сочиняет их: состраданием к своим бедным, сирым, несчастным героям! В его собственной режиссуре оказался заложен такой пафос сострадания, которого почему-то никто из нас не предполагал. Мы думали, что его пьесы — это жесткий мир, а оказалось, что это очень чувствительный мир. Просто безутешно чувствительный, на который глядишь все время сквозь слезы.

В чем особая новизна этого «Полонеза Огинского» на фоне множества иных постановок? В отсутствии привычной бытовой логики, которую тут заменила логика «наваждения» и «полусна». Именно в таком контексте прочитывалась история неудавшегося возвращения эмигрантки Тани на родину. Была еще какая-то особенная новизна ощущения сцены и самого понятия «жизнь на сцене»: когда на первый план выносятся не движение театральной буллы, а «воздух», разность мгновения при бесконечном трепетании невысказанных чувств... некий театральный импрессионизм.

Это была очень непривычная и очень красивая режиссура, дополненная упоительной красотой сценографии художника В. Кравцева и напоминающая длинное сентиментальное стихотворение; режиссура «чувства», а не «идеи». Неожиданный урок для многих наших постановщиков, бьющихся над разгадкой Коляды.

Вот видите, Николай Коляда ко всему прочему еще и режиссер, использовавший собственную пьесу как повод для личного режиссерского откровения. Случай, прямо скажем, нетипичный.

Ольга ИГНАТЮК.